

Specjalna dyskusja
Porozumienie Białowieskie 28 lat później.
Uczestnicy i obserwatorzy

Беловежское соглашение 28 лет спустя.
Участники и наблюдатели

Dyskusja odbyła się 29 czerwca 2019 r., w ramach 16 dorocznej Warsaw East European Conference 2019 “The Post-Soviet Space Three Decades Later. Time of Troubles or Triumph?”, zorganizowanej przez Studium Europy Wschodniej Uniwersytetu Warszawskiego. Rolę moderatora pełnił dyr. Jan Malicki

Дискуссия состоялась 29 июня 2019 года в рамках 16-й ежегодной конференции Warsaw East European Conference 2019 года «Постсоветское пространство три десятилетия спустя. Смутное время или триумф?», организованной Центром Исследования Восточной Европы Варшавского университета. Модератором был директор Ян Малицкий.

JM – Jan MALICKI

BK – Володимир КРИЖАНІВСЬКИЙ

PK – Pётр КРАЎЧАНКА

ES – Elżbieta SMUŁKOWA

SC – Stanisław CIOSEK

MM – Mariusz MASZKIEWICZ

S – słuchaczka (ELENA BARABAN)

JM: Dzień dobry Państwu. Dobry wieczór. Czas zaczynać nasz okrągły stół «Беловежское соглашение 28 лет спустя. Участники и наблюдатели». На нашем круглом stole присутствуют участники «Беловежской встречи» господин Pётр Краўчанка, белорусский политик, дипломат, историк, Министр иностранных дел Беларуси в 1990 – 1994 годах, а с 1998 по 2002 посол Беларуси в Японии и Филиппинах. На этот день 8 декабря 91-го года Министр иностранных дел Беларуси. Господин Володимир Крижанівський, украинский политик и дипломат, с 1991-го года по 1992-й Представитель Украины в России, потом – с 1992-го по 1994-й посол Украины в России, на этот день 8-го декабря 1991-го года – Представитель Украины в России. Забыл сказать, что сегодня в Польше День Святого Петра, Петра и Павла. Życzenia dla Pana Ministra Piotra Krauczanki.

PK: Вельмі сымвалічна.

JM: Вельмі сымвалічна. И поздравления для всех Петров, которые находятся в нашем зале. Спасибо большое, что вы приехали принять участие

в нашей конференции. С нами также наблюдатели, представители польской дипломатии, которые в это время работали в странах региона. Господин Станислав Чосэк, политик и дипломат, Посол Польши в Советском Союзе и Российской Федерации с 1989-го по 1996-й. Позднее – советник Президента Польши Александра Квасневского. На этот день, 8-е декабря 1991-го года – Посол Польши в Советском Союзе. Спасибо.

Пани Эльжбета Смулкова, дипломат, языковед, славист, профессор. С 1991-го по 1992-й польский Консул в Минске, с 1992-го по 1995-й Посол Польши в Беларуси, в этот день 8-го декабря – Генеральный консул Республики Польша в Минске. Спасибо.

Господин Мариуш Машкевич, дипломат, социолог, публицист, политолог. С 91-го по 94-й Представитель, *aide-de-camp*, Представитель Польши в Вильнюсе, с 98-го по 2002-й Посол Польши в Беларуси, с 2016-го – Посол Польши в Грузии. В этот день, 8-го декабря 1991-го года – Поверенный в делах, на польском языке *Chargé d'affaires* Польши в Литве. Я пытался пригласить также Генерального консула Польши в Киеве на 8 декабря 1991-го года Ежи Козакевича, но не получилось.

Поскольку мы будем говорить о Беловежье, реагируя на просьбы господина Посла Крижанівського и господина Министра Краўчанка, я предлагаю почтить минутой молчания уже покинувших нас участников встречи в Беловежье: из группы подписантов – Бориса Николаевича Ельцина, из членов государственных делегаций – Михаила Андреевича Голубца, Егора Тимуровича Гайдара. Спасибо.

Сначала я позволю себе напомнить несколько дат. 4-го июня 1989-го года в Польше проходят первые после войны демократические выборы. 12-го сентября Сейм Польши утверждает кабинет Тадеуша Мазовецкого, в котором Министром иностранных дел становится Кшиштоф Скубишевский.

В это же время в Советском Союзе идет начавшаяся в 1985-м году Перестройка. 24-го августа 1991-го года состоялся путч, или попытка путча в Москве. На день 8-го декабря 1991 года Президентом Советского Союза является Михаил Горбачев, Президентом России – Борис Ельцин, к 8-му декабря в СССР уже прошел «парад суверенитетов» и практически все республики провозгласили независимость. Эстония приняла декларацию о суверенитете уже 16-го ноября 1988-го года, Литва – 26-го мая 1989-го, Латвия – 28-го июля 1989-го. Надо сказать, что эти балтийские республики иначе смотрели на свою независимость. Они все говорили, что находятся в иной ситуации, потому что были оккупированы как независимые государства в 1940-м году. После августовского путча, 24-го августа Верховный Совет Украины принял Акт провозглашения независимости, а 25-го августа парламент Беларуси придал Декларации о суверенитете статус конституционного закона, чем

фактически провозгласил независимость. В то же время под руководством Горбачева продолжался так называемый новоогарёвский процесс, в ходе которого в декабре готовилось подписание нового союзного договора.

На заседании в Ново-Огарёво в октябре 1991-го Председатель белорусского парламента Станислав Шушкевич и Президент России Ельцин договорились о встрече в Беларуси, посвященной приближающейся зиме (проблема газа, как всегда). По предложению белорусского руководства, а именно премьер-министра (а премьер-министр Беларуси Кебич дружил с премьер-министром Украины Фокиным) решили пригласить также и Украину, где 1-го декабря состоялись выборы президента и референдум о независимости, на котором более 90 % поддержало провозглашение независимости, а 61 % выбрали президентом Леонида Кравчука. 2-го декабря Польша, а потом Канада признали независимость Украины.

7-го декабря утром начался официальный визит Президента России Ельцина в Беларусь. Ближе к вечеру в Минск прилетела небольшая украинская официальная делегация. Вечером 7-го декабря 1991-го года все делегации были уже в Вискулях, в Беловежской Пуще. В главном здании охотничьего угодья, построенном в конце 1950-х годов для Никиты Хрущева, разместились президенты Ельцин и Кравчук. Там было место и для Шушкевича, как главы государства Беларусь, но он отказался и остановился в коттедже. В небольшой гостинице были поселены остальные члены делегаций. Поскольку украинская делегация прилетела немного раньше, еще перед ужином Премьер-министр Фокин и Президент Кравчук отправились на охоту, после которой начался ужин. Уже в Вискулях появилась идея пригласить еще четвертую делегацию, делегацию Казахстана, т.е. Президента Нурсултана Назарбаева. Это было вступление. Уважаемые гости, пан Крижанівський, пан Краўчанка, все ли сказанное мной к этому моменту соответствует действительности? Так было точно?

ПК: За некоторыми нюансами. В целом, да. Схема правильная.

ВК: Все правильно, особенно то, что Вы наконец начали правильно произносить мою фамилию. Крыжанивский, а не Крыжановский.

JM: Есть просто старая польская фамилия Крыжановски, Krzyżanowski. Я так просто сказал, прошу прощения. В это время директором департамента Европы в польском Министерстве иностранных дел был Анджей Ананич, к сожалению, он его уже нет с нами, умер полтора года тому назад. В реферате по делам России работали Ежи Станкевич, Кшиштоф Яблонка, Михал Куркевич, Роман Ковальски. В реферате по делам Украины и Молдовы Кшиштоф Яхович, в реферате по делам Литвы, Латвии и Эстонии – Иоанна Стшельчик, в реферате по делам Беларуси, я надеюсь, присутствующий в зале Петр Жо-

ховски. Нет, не вижу. Теперь вопрос к польским представителям на востоке – знали ли вы, как представители польского государства, что-либо о готовящейся встрече в Беловежье? Передавал ли вам центр какие-либо сообщения по этому поводу? Первому я предоставляю слово господину послу Чосэку.

SC: Nie, nie było.

JM: Это историческое.

SC: Nie, z Warszawy nic. Było pełne milczenie, czyli Warszawa była zaskoczona.

JM: I Warszawa nic nie wiedziała?

SC: Albo nie wiedziała, albo nie uznała za stosowne poinformować ambasadora.

JM: Pani prof. Smułkowa, czy Pani jako Konsul Generalny cokolwiek wiedziała o tym, że szykuje się spotkanie w Białowieży lub czy Warszawa zawiadomiła o tym?

ES: Zawiadomienia żadnego oficjalnego nie mieliśmy, natomiast można było przewidywać pewne rzeczy na podstawie tego co się działo w Moskwie.

JM: Czyli Nowo-Ogariewo?

ES: To nie było dla mnie pełne zaskoczenie. Ale żadnej oficjalnej informacji z MSZ-u nie mieliśmy oczywiście.

JM: A Pan Mariusz Maszkiewicz, podówczas przedstawiciel Polski w Wilnie?

MM: *Chargé d'affaires* w Wilnie.

JM: *Chargé d'affaires ad interim* czy *en pied*?

MM: Литва тогда уже была на другой стороне этого мира. Они считали себя частью Запада, не считали себя Советским Союзом из-за этого никакого интереса литовские власти не проявляли, тем более не было информации для дипломатов и в СМИ.

JM: Tym bardziej z Warszawy, gdyby nie zawiadomili własnego przedstawiciela w Wilnie. Nie powiadomili?

MM: Niczego takiego nie było.

JM: Я хотел бы спросить сейчас господина Министра и господина Посла. В какой момент, Вы, как члены официальных государственных делегаций, почувствовали в Беловежье, что происходит что-то историческое, что грядут какие-то исторические перемены, в какой момент вы это почувствовали?

ПК: Господин Директор, если можно я отвечу на этот вопрос, но вначале мне бы хотелось не из протокольных, а из чувства дружеского отношения

поприветствовать наших польских коллег, дипломатов. Я начну, госпожа Смулек, с Вас. Мы работали в Минске не один год, и я всегда писал, пишу и говорю, что Жечи Посполитой очень повезло с тем, что первым послом Вашей страны в Минске был профессиональный филолог, беларусовед, практически великолепный блестящий дипломат, который оставил неизгладимый вклад в наши отношения. Я Вас искренне люблю, уважаю, приветствую и желаю Вам многие, многие лета. Господин Чосэк, я всегда буду помнить, что еще в условиях Советского Союза Вы приехали в Минск, я был с союзным министром, абсолютно бесправным, молодым непрофессиональным дипломатом, и тот глубокий разговор, Ваша обаятельность, Ваш такт, Ваш рассказ о том, как создавался круглый стол в Польше и какую роль вы сыграли в переходе, мирной трансформации власти из рук социалистического руководства в руки демократического руководства на меня произвело неизгладимое впечатление.

SC: Без капли крови.

ПК: Без капли крови. Как и мы потом сделали в Беловежской Пуще, так что в этом смысле я Вас очень люблю. Я никогда не забуду, что когда Вы были советником Александра Квасневского, я имел честь встречаться с Вами, откровенно обсуждать вопросы оппозиции, наше двусторонние отношения. Я искренне рад встретиться с Вами, благодарю Вас за те замечания, которые вы сделали в отношении моей книги. Мы несколько раз разговаривали по телефону, после того, как вы были послом в Вильнюсе, но вот воочию мы встречаемся в первый раз, у нас очень много общих друзей. Ну и, конечно, я очень рад увидеть своего коллегу Володимира Крижанівського (надеюсь, не ошибся), с которым мы не виделись 28 лет, и с которым у нас тоже очень много общего. Ну и, безусловно, господин Директор, я очень благодарен за то, что у нас есть сегодня возможность высказаться.

Если можно, я бы хотел восстановить такую историческую канву событий, логику, потому что отвечая на конкретные вопросы, мы немножко потеряем содержание и смысл происходящего, а динамика, диалектика этого незаурядного события будет раскрываться по мере некоего выстраивания и реконструкции событий. Будучи в Женеве, в августе 1991-го года, я неожиданно получил от своего помощника, будущего посла в Литве Владимира Счастливого, телеграмму о том, что моя давняя мечта пригласить владельца, президента CNN Теда Тёрнера в Беловежскую Пущу осуществилась. И Счастливый мне пишет в Женеву, что достигнута договоренность с господином Тедом Тёрнером о том, что в период с 5-го по 12-е декабря 1991-го года он приезжает на охоту в Беловежскую Пущу. Это была моя давняя идея. Тед Тёрнер уже охотился в Беловежской Пуще раньше, и мне было крайне

важно затащить его в этот красивейший уголок Европы с тем, чтобы шармировать его и получить возможность сделать 2-х-3-х минутный репортаж о Беларуси. Нам нужен был информационный прорыв в мир, нам надо было, чтоб CNN показало Беларусь, и Беларусь перестала быть *tabula rasa*, перестала быть *terra incognita* на карте мира. Я понимал, что 2-3 минуты CNN это и есть информационный прорыв, тем более, что я пригласил и его жену, Тэйлор, Элизабет Тэйлор, неофициальную жену. Я понимал влияние Теда Тёрнера, я был счастлив, и в середине 1991-го года я готовился к встрече не Шушкевича, не Кравчука и не Ельцина, а к тому, чтобы встретить президента могущественной информационной державы, которым являлось CNN. Всю осень я провел в Штатах, я вел очень жесткие переговоры с немцами, с Геншером в Нью-Йорке. Вырвал согласие, в условиях Советского Союза на то, что мы даем экзекватуру на открытие Генерального консульства объединенной Германии в Минске и получаем право (это беспрецедентный случай!) на открытие нашего Генерального консульства в Бонне. 20-го ноября 1991-го года за три недели до Беловежского соглашения я получил такое официальное письмо, и его копия хранится в моем личном архиве. Мы всегда будем помнить, что осенью этого года парламент Польши признал независимость Беларуси. Это было не государственное решение, но это было решение парламента и оно играло огромную роль.

Примерно 28-го ноября раздался звонок Премьер-министра, у меня с Премьер-министром была прямая связь без набора цифр, т.е. Премьер-министр поднимал трубку и говорил сразу напрямую, это было очень удобно. И говорит: «Слушай, ты позвони своему Шеварнадзе ...» – (он так со скепсисом). А нет 28-го ноября мне позвонил Шеварнадзе по спецсвязи. Был такой телефон с гербом, «тройка» и поскольку я был с ним раньше знаком, говорит: «Петр Кузьмич, я бы хотел приехать по поручению, по просьбе Михаила Сергеевича Горбачева в Минск». – «Да, Эдуард Амвросиевич, мы рады будем Вас видеть. А какая причина?» – «Ознакомительная поездка». Я положил трубку, поднимаю трубку Кебича и докладываю: «Вячеслав Францевич, к нам едет Шеварнадзе». – «Слушай, ну что ты мне забиваешь голову. У меня тут проблемы экономические. Что хочешь, то и делай со своим Шеварнадзе. Хочет ехать? Принимай». Я получаю карт-бланш на прием союзного министра, и начинаю думать, что и как. И вдруг проходит один день-два. Звонок Кебича, я поднимаю, он говорит: «Слушай, скажи своему Шеварнадзе, чтобы он не приезжал. – Я взрываюсь и говорю – Вячеслав Францевич, как это так? Как я могу сказать союзному министру, что мы даем ему от ворот поворот? Как это так? С точки зрения даже политес? С точки зрения светских отношений? Его никто в Беларуси принимать не будет!» – Это было 29-го ноября, или 3-го декабря. – «Отменяй визит. Это команда». Я поднимаю трубку по

спецсвязи, девушка соединяет, и говорю Эдуарду Амвросиевичу: «Эдуард Амвросиевич, знаете вот тут у нас тяжелое экономическое положение, конец года, планы, мы бы хотели скорректировать и перенести визит». Ну, я же не могу сказать отменять, перенести визит. Молчание. Он говорит: «Что, в самостоятельность играете? Что?». С таким, понимаете, нажимом: «Ну, ладно, мы посмотрим». Такая как бы угроза. Ну, я звоню Кебичу, говорю: «Да, Вячеслав Францевич, вот отменили мы визит». — «Ну как Шеварнадзе?» — «Взорвался». Т.е. союзное руководство пыталось каким-то образом воздействовать на Минск, на руководство нашей республики, но ни слова о том, что прилетает Ельцин и кто-то другой не было.

В начале декабря, 3-4 декабря вдруг Кебич вызывает к себе и говорит: «У нас готовится двусторонняя встреча Президента России Ельцина, хотел бы приехать, обсудить со Станиславом Станиславовичем некоторые двусторонние вопросы связанные с ново-огаревским процессом». Шушкевич не был Главой государства, у нас Главой государства был коллегиальный орган — Президиум Верховного Совета, 15 человек, но первым среди равных был Шушкевич. И Шушкевич сказал Кебичу, что вот было бы неплохо, чтоб был ты, Вячеслав Францевич, и чтоб был Министр иностранных дел. Но никаких просьб, поручений, ориентировок готовить экспертов, документы, техническую базу, ну и даже протокол (тогда еще серьезной протокольной службы у нас не было) я не получил. Т.е. я понял, что готовится какой-то такой светский визит, но о Беловежской Пуще ничего не говорилось, потому что я на 5-7 декабря заказал домик охотничий Хрущева для приезда Теда Тёрнера и 5-го декабря Тед Тёрнер прилетел в Москву. И мне звонит председатель гостелерадио Беларуси Александр Столяров и говорит, что 5-6-го, 6-го декабря Тед Тёрнер прилетает в Беларусь и едет в Беловежскую Пущу. И вдруг я неожиданно узнаю, что встреча будет в Беловежской Пуще. Мне пришлось через Столярова отменять визит президента, хозяина CNN. Он был в шоке — прилететь из Америки в Россию и не прилететь в Беларусь, тем более что он потом узнал, какие исторические события разыгрываются в этом же самом месте, в этом же самом доме, где должен был жить он. Т.е. вот такая как говорится, несурезица, и я вынужден был второй раз ломать визит, уже подготовленный, о котором я мечтал многие-многие месяцы.

Рабочий неофициальный визит Бориса Николаевича Ельцина начался 7-го декабря. В аэропорту в Минске хлебом-солью его встречали белорусские девушки (у меня есть фотографии) и мы с Шушкевичем, но это была абсолютно такая рабочая встреча. Естественно Борис Николаевич изъявил желание приехать в парламент и выступить с речью перед депутатами. Ну, конечно, Шушкевич был очень рад этому. Ельцин заходит на трибуну, произносится речь в духе братской, нерушимой, тысячелетней дружбы белорус-

ского и русского народов, о том, что мы братья, мы один народ. Оппозиция наша кривится после этих выражений – «мы один народ». И неожиданно вдруг в конце выступления Ельцин говорит: «А сейчас я хочу вручить Вам, уважаемый Станислав Станиславович, исторический документ – охранную грамоту 1664 года, которую Алексей Михайлович дал жителям города Орши». Не зная, что документ 17-го века, написан скорописью, кириллицей славянской и, видимо, никто в МИДе и в других местах этот документ не прочитал. А там, в этом документе содержались абсолютно неприемлемые, страшные для белорусской стороны вещи, которые были связаны с тем геноцидом, который проводился во время войны 1654 -1657 годов, в ходе которой Россия уничтожила в Беларуси 51 % населения. На земле оставалось чуть более миллиона белорусов. И вот этот документ, который свидетельствовал не о братстве, а свидетельствовал абсолютно об обратном, Ельцин пытается вручить Шушкевичу. Шушкевич не понимает, он – физик, но это прекрасно знаю я, это прекрасно знает оппозиция, Позняк. 30 человек оппозиции из 360 вскакивает и начинает кричать: «Вон! Ганьба! Ганьба! Ганьба!». Ельцин в шоке, он не понимает – политический скандал. Как ошпаренный он выскакивает из зала заседаний Верховного Совета и спрашивает Кебича: «Что произошло?». Кебич говорит: «Вы знаете, судя по всему, Вас подставили». И набрасывается Ельцин на Козырева, но Козырев не виноват – этот документ готовился экспертами Бурбулиса. Почему он оказался? Почему была такая провокация, я до сих пор не понимаю и не могу дать связного объяснения. Ко мне подсказывает Председатель комитета по международным делам Петр Садовский, представитель оппозиции, интеллигент, которого я назначил первым Послом Беларуси в Германии, (вообще это исторически первый Посол. Мой оппонент, но в то же время мой, скажем, друг) и кричит: «Петр Кузьмич, мы патрабуем сатысфакцыі. Вы павінны зрабіць заяву. Накіраваць ноту Расеі. Яны імперыялістамі былі і будуць. Як вы на гэта адраагуеце?». Я говорю: «Петр Викентьевич, успокойтесь, мы адекватноотреагируем». И мы отреагировали адекватно, через 2 дня получив полную независимость и суверенитет. Это была лучшая сатисфакция, это была лучшая, как говорится, реакция на произошедшее.

А вместе с Шушкевичем во второй половине дня мы прилетели в Беловежскую Пущу, на военный аэродром в Пружанах. Я опускаю здесь множество бытовых деталей, кто кого встречал, какая была охота, как привязывали кабанчика за веревку, чтобы Фокин попал. Это действительно было и украинская сторона подтверждает. Но это традиционно, с вышки охотники стреляют в кабанчика, который привязан и далеко не убежит. Убежит на 50 м. Ну, это уже юмор, это как говорится кулуарные сплетни, а не действительность, но истина состоит в том, что ни я, ни большинство белорусской

делегации, кроме Шушкевича, не знали и не понимали, что готовится. И вот на Ваш вопрос, когда Вы поняли, что происходит? Мы это поняли только тогда, когда вечером, ну тут по разным оценкам – я считаю, что в 7 часов вечера, господин Голубец, которого с нами нет, пишет в своих воспоминаниях (я, Владимир Петрович, очень Вам благодарен, что вы передали мне воспоминания Голубца на украинской мове) пишет, что мы сели в 9 часов. Но маловероятно, потому что уже после 10 мы начали работать, а ужин продолжался где-то от 2 до 2,5 часов. И вот во время ужина, который не был протокольным ужином, хотя и сопровождался тостами, тосты говорили только главы делегаций, и в основном, это был не ужин, это была дуэль между двумя лидерами, между Ельциным и Президентом только что провозгласившей независимость Украины, которая стала, действительно, на рельсы полной независимости. Цифры здесь назывались и я согласен с Вами, с Вашей оценкой, которая прозвучала у нас в 10 часов утра о том, что Кравчук Леонид Макарович был не просто воодушевлен, он был на небесах. У него был такой абсолютно наполеоновский орлиный взор, на любой конкретный подход, предложение со стороны Бориса Николаевича (а в основном говорили они, мы сидели молчали) он с усмешкой говорил: «Да вы что, Борис Николаевич? Вы что? Да это мне парламент не поручал. О чем Вы говорите? Что из одного ярма в другое? Вы предлагаете нам новое ярмо! Мы никогда на это не пойдем! Какие соглашения?». И тут я впервые услышал из уст Ельцина, что с новоогарёвским процессом надо заканчивать, что он зашел в тупик, страна на грани гражданской войны, Горбачев себя дискредитировал, и нам надо думать о каких-то новых формах политического и экономического общежития. Хватит жить в коммунальной квартире! Такая примерно идея. Каждая семья должна иметь квартиру. Это был как елей на мою душу, потому что я был абсолютно привержен этим же идеалам. Нам надоела эта коммуналка. Но Кравчук отбивал одну атаку за другой с усмешкой, с прибаутками, как угодно. «Ну вы что, Борис Николаевич, меня народ не уполномочивал, мы проголосовали за независимость, какие объединения, мы ничего не будем подписывать, мы ничего не подпишем, у меня нет полномочий. У нас нет Министра иностранных дел – Зленко в Венгрии и так далее, и так далее». И спокойно, корректно хоронил одну инициативу за другой.

Ситуация стала меняться лишь где-то в районе 9 часов вечера, когда начал встречать в разговоры Витольд Фокин, Председатель правительства Украины, экономист по образованию, председатель Госплана. Он как это не удивительно начал с поэзии, он неплохо знал поэзию, не только Пушкина и Шевченко, но он хорошо знал Киплинга, Редьярда Киплинга, барда английского милитаризма. И он начал приводить некоторые вещи из «Маугли», говорить о том, что «мы – одной крови», что прежде чем далеко разбежаться, надо подумать,

а надо ли разбегаться, что у нас единая кровеносная система энергетики. Ну что резать по живому энергетическую единую систему? Надо думать, как это сделать цивилизованно. Что мы очень взаимосвязаны, что Украина без кооперационных поставок из России и Беларуси, в состоянии выпускать только 15 % конечного продукта. Что Украина, как Беларусь, это сборочный цех. А я могу сказать, что Белоруссия без кооперационных поставок из Украины, России, была в состоянии в то время выпускать не более 10 % конечного продукта. Тот же тракторный завод... И аргументация Фокина была достаточно убедительной с экономической точки зрения. Он прямо не возражал, он прямо не оппонировал лидеру своего государства, только избранному президенту, была субординация, но он подводил к тому, что надо все-таки подумать, что на месте Советского Союза должно быть. Далеко разбегаться нельзя. И Кравчук принципиально как бы не поменял свою позицию, но у него проявился в конце такой подход: «ну ладно, если большинство за, ну пусть наши эксперты (а экспертами были Министры иностранных дел и Народные депутаты и Послы). Пусть вот за ночь что-то «сварганят». Что-то сделают, пусть поработают, а утром, утро вечера мудренее мы посмотрим что родилось». Поэтому каких-то прямых поручений о том, чтобы создать документ под названием соглашение, договор, протокол, конвенция, некая записка, не было. Нам поручили готовить абстрактный документ, не высказав ни одной принципиально важной идеи. Полностью карт-бланш, на откуп, что хотите, пишите, но смысл такой – Советский Союз исчерпал свои возможности, вот это был подтекст. Ни Бурбулис, как говорят сегодня некоторые, как бы сформулировал основные концептуальные подходы, ни Шушкевич, ни Кебич, ни тем более Ельцин таких поручений не давали. Поработайте над документом.

Была неофициально создана такая группа, в которую вошли с российской стороны исполняющий обязанности премьер-министра Егор Тимурович Гайдар, доктор наук, экономист. Я очень советую вам его монографию «Время как экономическая категория», это лучшая монография в мире на эту тему, он возглавлял Институт переходной экономики. Вторым лицом был Козырев, третьим лицом был Сергей Шахрай, который выполнял обязанности советника Президента по экономическим вопросам. И, и все. С белорусской стороны – Краўчанка, Вице-премьер-министр Михаил Мясникович и Николай Костиков. Вот те 6 человек, которым было поручено принимать участие в подготовке документа. Уважаемые Народный депутат Голубец и уважаемый Володимир Крижанівський от Леонида Макаровича Кравчука получили поручение не принимать участия в работе, дистанцироваться. И украинцы, хотя они находились буквально на расстоянии нескольких десятков шагов в этот вечер, мирно гуляли, дышали морозным воздухом и любовались красотами зимнего леса.

Мы сели работать в 10 часов вечера, перед нами... Сели работать в том коттедже, деревянном коттедже двухэтажном, где размещались 5 более представительных членов делегаций. Сели примерно в 10 вечера, перед нами лежала чистая бумага и вот один из таких листов бумаги я вам покажу. Это исторический документ, естественно, копия. Оригинал у меня дома. У меня находится полный архив Беловежского соглашения. Я – владелец этой уникальной интеллектуальной собственности порядка 70 страниц. И вот на только пожелтевшем листе была сделана первая попытка зафиксировать некие общие подходы и договоренности. Мы примерно час, час двадцать яростно спорили. Стоял просто базар, каждый высказывал свое мнение, но мы не знали с чего начинать. Ну, мы знали, что надо начинать с названия соглашения, с названия документа. Но что это должно быть – соглашение, договор, ну как бы пришли очень быстро – соглашение. Но соглашение о создании чего? Слово Союз из уст белорусов и россиян не прозвучало. Нам уже вот так вот хватило бывшего союза. Поэтому, если не ошибаюсь, Козырев предложил использовать слово содружество. Commonwealth с английского языка. И мы очень быстро пришли к тому, что надо думать и составлять договор о создании содружества. На этом листе бумаги в начале 12-го я написал первую редакцию этого документа, моей рукой написано – Соглашение о принципах создания Евразийского Содружества Государств. Аббревиатура – ЕАСГ. Вынес это на обсуждение. Никто не предлагал это понятие – евразийское. Уже тогда 91-м году я сформулировал этот посыл – евразийское. Он не был принят, его дружно похоронили. Ну, зачем нам Азия, опять как говорится? Хотя это имело громадный смысл – центральноазиатские республики отсекались Беловежским соглашением. Евразийское как раз имело очень важное логическое значение. Я это понимал, а кто-то думал, что мы создаем славянскую конфедерацию. Его похоронили, похерили, тогда появилась новая редакция названия, которая гласила о том, что соглашение уже не о принципах, а о Содружестве Демократических Государств. И примерно в 11 вечера название документа практически голосованием, но не то, что поднимали руки. Консенсус? – консенсус! Идем дальше. И в 11 часов вечера название документа было принято – Соглашение о создании Содружества Демократических Государств. Не СНГ еще, и тут воцарилась пауза. Ну, я, зная немножко структуру документов, вы знаете, что 4-5 звеньев любая структура международного договора должна быть. Я сказал, что надо делать преамбулу. Как делать? С чего? С констатации. Опять споры, яростные споры. Базар и в 11 часов в 23 минуты, в 23 часа 18 минут я внес предложение на рассмотрение Егора Тимуровича, который председательствовал, причем без выборов. Мы однозначно сразу признали пальму первенства Егору Тимуровичу. Я предложил, сказал (мы были все на ты): «Егор, хватит базара, давайте сделаем так. Вы

все такие умные, каждый пусть берет лист бумаги и пишет редакцию, а потом зачитывает. 5-10 минут, мы потом узнаем, каждый пусть зачитывает свою редакцию. А потом проголосуем». Ну, то есть, как ученый я понимал, что мы можем продвигаться только тогда, когда есть нечто осязаемое, положенное на бумагу и в 23 часа 23 минуты я написал следующую историческую фразу, которой естественно горжусь: «История распорядилась так, что наша общая родина Союз Советских Социалистических Республик как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает свое существование. Исходя из высших национальных интересов и так далее». Когда я зачитал эту фразу, воцарилось молчание и первым сказал Егор Тимурович: «Ребята, это то, что надо но давайте отсечем «история распорядилась так». Почему, Петр, ты ставишь такой момент?». Я говорю: «Егор, послушай, если мы напишем классическую фразу: «Мы, Республика Беларусь, Белорусская Советская Социалистическая, Российская Федерация, Украинская Социалистическая Республика, как правопреемники СССР, создавшие СССР, приняли решение там о создании того-то, того-то и затем переходим к какой-то идее, мы сами берем очень большую ответственность на себя». «История распорядилась» свидетельствует о том, что это объективные, закономерные процессы, это не прихоть трех пьяниц, как потом говорили, которые собрались, сели на пенке и уничтожили, распилили Советский Союз. Это объективные процессы, это предложение не было принято. И тогда своей рукой я написал следующее: «Мы, республика Беларусь, Российская Федерация, Украина, как государства – учредители СССР, констатируем, что он как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает свое существование». Все сказали: «Вот это то, что надо!». Опять воцарилось молчание, мы не знали, что дальше делать, и тогда Егор Тимурович неожиданно достал из портфеля документ, вот копия этого документа. Это договор между Российской Советской Федеративной Социалистической Республикой и Украинской Советской Социалистической Республикой, подписанный, если не ошибаюсь, в ноябре 90-го года. Точно такой же договор один к одному был подписан в декабре 90-го года между Россией (РСФСР) и БССР, но у меня на руках его не было. Я был очень удивлен и 28 лет не знал, откуда у Гайдара оказался этот документ. Я думал, что это как раз и свидетельствовало о том, что Гайдар готовился и как бы осмысливал предполагаемую структуру документа. Но ларчик открылся позавчера. И во время ужина уважаемый Владимир, мой брат украинский, рассказал, что этот документ он перед ужином 7-го декабря передал Егору Тимуровичу Гайдару. Этот документ на всякий случай захватила предусмотрительная украинская сторона. И украинский представитель передал этот документ Егору Тимуровичу. Вот откуда он появился. Поэтому всякие мифы, рассказы, небылицы о том, что документ готовился чуть ли не в не-

драх ЦРУ, что его подсунули, что Россия заранее подготовила, что привезла готовый документ, заставила подписать белорусскую и украинскую сторону не выдерживает никакой критики.

Документ готовился в течение 7 часов, с 10 вечера до 5 часов утра 8-го декабря группой, которую я Вам назвал, а на следующий день там были совершенно другие, как говорится, события. У нас не было даже машинистки, которая печатала документ. Зная руководителя охотничьего хозяйства «Беловежская Пуца» Сергея Сергеевича Балюка, мы послали господина Траяна Георгия Ивановича, это заместитель начальника хозяйственного управления Совмина, и он привез машинистку руководителя охотхозяйства «Беловежская Пуца», которая и в 6 часов утра начала печатать документы.

JM: Господин...

ПК: К 10 часам документ был напечатан и в 10 утра начался процесс парафирования документа. Меня российская сторона попросила согласовать этот документ и парафировать. И вот по инициативе вот этого исторического человека Владимира Крыжановского название документа «Соглашение о создании Содружества Демократических Государств» было по жесткому требованию украинской стороны переделано в документ под названием «Соглашение о Содружестве Независимых Государств». Это украинская сторона настояла.

JM: Спасибо, господин Министр. Спасибо. Это был большой ответ на маленький вопрос. Я хотел бы еще также этот вопрос задать господину Послу. Когда, точно сказать, когда Вы, господин Посол, почувствовали в Беловежье, что происходит что-то историческое?

ВК: Ну, во-первых, я хочу сказать, конечно, что я имею большую честь и удовольствие работать вместе с нашими польскими коллегами, моими польскими коллегами послами, с господином Директором Малицким, огромное удовольствие то, что я вижу господина Чосэка. Я вам хочу сказать откровенно, что его советы в Москве очень многому меня научили, как дипломата. Во-вторых, господин Чосэк второй после моего отца коммунист, к которому я испытал глубокую симпатию и уважение, что остается у меня до сих пор. И, конечно, господин министр Краўчанка. Сразу хочу сказать, что моя роль в том, что происходило в Беловежской Пуце, ну наверное и в десятой части не соответствует тому, что делал господин Министр. Когда я в разговоре со своим министром Зленко сказал, что послы идей не имеют, идеи имеют только министры. Послы могут советовать, но не больше.

Теперь в отношении того, о чем мы говорили. Я даже назвал свое сообщение «Несколько иной взгляд на то, что происходило в Беловежской Пуце». Вы знаете, флер России, который существовал, хотя я думаю,

у Польши в этом отношении была прививка столетняя, хотя у нас тоже была прививка серьезная против России, но Польша наверное имела прививку куда более сильную от того, чтобы влюбиться в нашу старшую сестру. Но сегодня, сейчас, по прошествии стольких лет я стал многое понимать, что тогда происходило. А происходило примерно вот что.

В это время в Москве создалась очень странная ситуация какого-то двоєвластия. Потому что был в принципе Горбачев, особенно после того, когда мы заявили, что ушли, казалось бы, что, кто же тогда такой господин Ельцин, если Горбачев остается в Кремле, если работает Верховный Совет. Кстати Ваш покорный слуга даже в конце ноября и на протяжении того времени, когда существовал Верховный Совет Советского Союза, стал, между прочим, депутатом Верховного Совета. Было принято такое решение, и я стал одним из 10 украинцев, которые были депутатами. Я даже тогда, когда Кравчук говорил о том, что будет встреча, что белорусы хотят договориться по газу, я говорю: «Насколько я понимаю господин Черномырдин вообще сейчас находится пока что в ведении господина Горбачева, поэтому я не понимаю, как они думают доставать газ у россиян, которые в сущности им не владеют». По-моему, у них еще даже на это время не было Министра топлива господина Лопухина.

Ко мне второго декабря пришла Галина Старовойтова, единственная из российской элиты, пришла поздравить Посла или Представителя (но все видно для того чтобы сделать мне приятное называли меня Послом). Я, конечно, Послом не был, а был Полномочным представителем Украины в России. И госпожа Старовойтова рассказала мне, ну я это могу сейчас рассказывать, она покойная, и я бы не хотел бы ее подставлять тогда. Сейчас я могу об этом говорить. Тогда она сказала мне такое. В конце ноября, в начале декабря она пришла к Ельцину и сказала: «Борис Николаевич, сведения моих знакомых и некоторых вы знаете, как называют этих, кто занимается собиранием сведений и вот некоторых кругов говорят мне, что там будет обвал. Как минимум 80 % поддержит независимость в Украине». Я Вам хочу сказать, что мы единственные, кроме прибалтов (прибалтов я выношу за скобки) мы единственные выполнили все требования закона Советского Союза весны 90-го года о выходе из Советского Союза. И проголосовал парламент, и что самое главное парламент принял решение о проведении референдума. Все требования референдума, которые были указаны в этом законе, все требования закона по оглашению референдума и голосованию были выполнены. Было получено более двух третей голосов, а у нас было 90 % тех, кто участвовал в голосовании. Второе – даже если взять по отношению к тому, сколько вообще могло проголосовать, все равно у нас проголосовало больше двух третей, порядка 70 с чем-то процентов. Третье – единственная

автономия, которая была тогда в составе Украины, она проголосовала, дала +50, т.е. сам Крым дал 54 % и такое образование как Севастополь дал 57 %. Т.е. все без исключения требования были выполнены, поэтому наша позиция была абсолютно простая, нам абсолютно не нужны были Беловежские соглашения. И в России это понимали, и когда Старовойтова обратилась к Ельцину, его волновало совсем не это. Он сказал, (это я Вам точно повторяю слова госпожи Старовойтовой), он говорит: «Галя, нам главное свалить «Меченого», а потом мы с ними разберемся». Это дословная фраза. Я абсолютно уверен в том, что она не прибавляла и не убавляла. Она была человек очень пунктуальный, она была ученый. Поэтому выдумывать что-то я не буду, я думаю, эта фраза действительно соответствовала тому, что было сказано. Ну, вы понимаете, что я как Посол должен был незамедлительно это сообщить, чтоб об этом знали.

Я вам хочу сказать, что во всем этом, что происходило, очень негативную для Украины позицию занимал премьер-министр Фокин. Очень негативную. Ему удалось договориться, при большом нежелании Кравчука, при негативном отношении Верховного Совета удалось протащить нас в Москву на подписание экономического договора между Украиной и Советским Союзом. Договор был сделан, экономическое соглашение было сформировано и подготовлено господином Явлинским. Я Кравчуку говорил о том, что ни в коем случае нельзя, его встретят в штыки в Киеве, ну что в действительности и произошло. Это соглашение не действовало ни одного дня. Но господин Фокин всеми методами и, кстати, это осталось у него до сих пор, он и сейчас является одним из тех, кто сожалеет, как и Президент России, о том, что происходило в Беловежской Пуще. Можно прочесть его интервью последнее, вышедшее где-то полтора года тому назад, где он сожалеет об этом и том, что он делал в Пуще. Там тоже он старался всеми методами протащить вещи, которые не соответствовали. Кстати он не имел экономического образования, он по образованию инженер-угольщик. В разговоре со мной, когда он возвращался из Польши, а я его вез в посольство, чтобы он переговорил с кем-то в России и после этого летел в Киев, он мне сказал: «Я в Польше встречался с Белецким и с Бальцеровичем. Но что можно ждать от этих людей? Ни один из них даже цехом не руководил. Ну о чем вы говорите?». Три года назад я встретил Витольда Павловича и говорю: «Витольд Павлович, Вы знаете, я вот был 2 года тому назад в Польше. Вы знаете, Бальцеровичу и Белецкому удалось многое, а вот нам, к сожалению, многое не удалось. — А что я такое говорил? — Я говорю, — да, было такое. — Ну, по-моему, ну, может, я сказал такое». Понимаете, конечно, человек меняет свою точку зрения в таких вещах. Но что самое главное? Когда мы узнали о том, что делать? Во-первых, это стало ясно во время ужина, во-вторых, после этого, когда сказали, что эксперты

должны подготовить документ, причем было понятно какой документ, документ о создании определенного образования. Там не было сказано ничего об уничтожении Советского Союза, о ликвидации. Мы прекрасно понимали, что это образование делается взамен Советского Союза. Я подошел с академиком Голубцом к господину Кравчуку, а он говорит: «А знаете, что я думаю, что Вам не надо там участвовать». Я прекрасно понимаю, почему он это сказал. Он прекрасно знал, что если, не дай Бог, мы еще будем принимать участие в подготовке этого документа, то на Верховном Совете, на Верховной Раде, нам устроят такую, я не знаю как по-русски, такое есть украинское слово колотнечу, ну не избивание младенцев, но что-то вроде этого.

ПК: Головомойку.

ВК: Да. И вот он говорил: «Не надо Вам участвовать». Единственное, что я сделал, я передал, но не господину Гайдару, а господину Козыреву, я передал наш договор, в подготовке которого он участвовал до этого. Я говорю: «Вот есть договор Украины и России о сотрудничестве, о дружбе 90-го года. Попробуйте его использовать как определенный образец, там хорошая, как говорят, рыба. Конечно, тут должно быть совсем другое, ну многое можно использовать, попробуйте, возьмите». Он сказал: «Хорошо, я Вам очень благодарен». Единственное, что я вам хочу сказать абсолютно четко. Очень хорошо, что покойный господин Голубец буквально через год написал очень подробные воспоминания о том, что происходило в Пуще. Я прекрасно помню этот разговор, не могу сказать, состоялся он вечером или утром. Разговор был вот какой: «Так как мы его назовем «Союз»? Союз Демократических... Но это должен быть Союз. – Академик Голубец сказал, – «Если слово «Союз» услышат в Верховной Раде, то считайте, что вообще меня как депутата не будет». Второе, он говорил: «Вы знаете, у нас в украинском языке есть слово спілка». У нас общение по-украински это «спілкуватися». То, чтоб вы понимали, это не «Союз», это нечто, что является определенным скрепом, как любят сейчас говорить в России, и вот тогда я вспоминаю, что господин Козырев сказал: «это должно быть что-то по образцу Commonwealth». Я не знаю, точно ли я говорю по-английски, но Commonwealth. А уже утром все-таки принесли «Демократических Государств». Я говорю: «Послушайте, ну и Каримов тоже демократических государств, да? – Ну, да! Ну, да! Ну, да! А как?– я говорю: «Вы знаете, что самое лучшее, за что нас не убьют в Верховном Совете, будет Независимых Государств». И вы знаете, было воспринято абсолютно нормально, потому что теперь я прекрасно понимаю, в чем была основная задача российской делегации.

Если говорить об инициаторе, проводнике, то я прекрасно понимаю, что наверное все-таки придумал собрать нас в этом коллективе Бурбулис. Это

был очень энергичный такой человек, а Борис Николаевич не занимался подобными вещами. Ну, действительно не царское это дело придумывать, как все оформить, а вот придумано, я думаю все-таки это было Бурбулисом. И вот самое главное во всем этом было не столько создание Союза или Содружества Независимых Государств, сколько ликвидация Советского Союза. Ликвидация Советского Союза странами, которые его в 22-м году организовывали. Здесь мы исключаем Закавказье. Тут уже находили объяснение – ну вы знаете, они же развалились – стала Армения, стал Азербайджан, стала Грузия. Ну, это как-то сложно, они же не могут втроем говорить за кого-то, поэтому их не позвали. Я вам хочу сказать, что основной задачей было уничтожить, ликвидировать Союз, иметь формальный документ. Нам он был не нужен. Второго числа Польша, (и мы благодарны, потому что поляки действительно народ, который... Наверное никто как поляки не понимает ужаса, который наводит на своих соседей наш великий сосед, наша сестра Россия) признала нашу независимость.

JM: Господин посол, это сделал премьер-министр Белецкий, о котором говорил Фокин.

ВК: Да.

JM: Принял это решение.

ВК: Да, и я вам хочу сказать, что я в этом вижу основную причину, вот, что им было нужно. И тогда можно было сказать господину Горбачеву: «Господин Горбачев, Михаил Сергеевич, вы что тут делаете? Что вы тут делаете в Кремле? Вы чего?». Вот это было основное задание. Все остальное было блестящей мишурой, которая наводится российской дипломатией. Вот эти великие знаменитые слова канцлера Горбачева – Россия не сердится, Россия сосредотачивается.

ПК: Горчаков.

ВК: Горчаков. А я сказал Горбачева? Ну да, Горчакова. Ну я думаю, что да, канцлер Горчаков, ну первые три буквы одинаковые и последние одинаковые. Смотрите, вот это было основным содержанием, ведь тогда мы никак не могли понять. Кравчук тоже не мог вообще понять, почему и что и говорил: «Оно нам надо?». Но с другой стороны он потом сказал довольно интересную вещь в разговоре с нами: «вы понимаете, но нам же тоже вот этот, оцей бардак, який у них там в Москві... Вот этот, то что было там, оно же тоже нам ни к чему. Ну надо, чтоб там кто-то был. Это же если там, так обязательно и у нас будет». Если в соседней лавке есть слон и еще кто-то, так и наша лавка будет валиться. Поэтому, наверное, пускай будет, пускай будет. Единственное, что он с ужасом отреагировал, когда этот документ,

который мы подготовили, передали им. Там были какие-то несколько минут, мы буквально смогли с ним проконтактировать и сказали ему: «Ой там такое, что наверное в Раде не пройдет». – «А что я буду делать?» – А я ему сказал: «Есть такое понятие, по-украински это называется «застереження», (вот вчера мне напомнили, по-русски это называется на дипломатическом языке «оговорки»). Этими застережениями мы похороним». И так было сделано.

JM: Zastrzeżenia.

ВК: Наши титаны, те люди, которые боролись, которые просидели десятки, а некоторые, Левко Лукьяненко 25 лет просидел в тюрьме и в лагере, воспринять то, что было написано в Беловежье, не могли ни под каким видом. Но настолько большим было уважение к этим людям, даже со стороны коммунистов. Они с огромнейшим уважением относились к ним, они уважали их за одно то, что они не бегали, они были последовательны, они начали свою жизнь в борьбе за независимость, и они закончили свою жизнь в борьбе за независимость. Поэтому Кравчук прекрасно понял, что ничего ему страшного не будет и поэтому он пошел на подписание. Вот как и стало понятно нам, что готовится такой документ именно при разговоре после ужина. Мы стали понимать и поэтому мы не пошли. А Фокин и там играл очень негативную роль. И довольно скоро выяснилось, что он был экономист старой, заскорузлой, советской формации. Даже я вам хочу сказать, хуже, чем Масол, потому что Масол все-таки был до этого долго премьером.

JM: Господин Посол, спасибо большое за этот ответ. Сейчас я хотел бы сказать так. Уже 8-го декабря состоялся разговор Ельцина с Президентом США Бушем и разговор Шушкевича-Ельцина с Горбачевым. И в этот же момент Беловежские соглашения стали фактом и сейчас я хотел бы задать три вопроса польским дипломатам. Первый. Когда вы сами узнали о подписании Беловежских соглашений? Второй. Как отреагировали и когда сообщили об этом в Варшаву? Третий вопрос. Какова была реакция и какие директивы получили из Варшавы? Пани профессор, посол Смуклова? Может, первая, потому что были в Минске в этот момент? Микрофон, если можно попросить.

ES: Мне, конечно, хотелось бы говорить по-белорусски, потому что это было бы более натурально.

JM: Pani Profesor, bardzo przepraszam, мы уважаем, очень уважаем и специально я, все языки нашего региона. И белорусский и украинский.

ES: Да, но переводчиков-то нет, только с русского языка.

JM: Да.

ES: Тогда я перейду все-таки на польский. Odpowiedzieć ściśle na Pańskie pytania jest bardzo trudno, bo pamięta się istotę rzeczy, a nie szczegół czasowy. Mi się wydaje, że pierwsza informacja była oficjalną informacją radiową czy telewizyjną, w środkach masowego przekazu. Żadnych szczególnych dróg tego typu nie mieliśmy. Ja jestem nastawiona na to, żeby się zatrzymać na problemach reakcji naszej, środowiska, chociażby Ambasady polskiej. Myśmy tę informację przyjęli z oczywistym entuzjazmem. Mając na uwadze polską transformację, wydawało się nam, że po rozpadzie Związku Radzieckiego, po tych deklaracjach z Białowieży, ściślej z Wiskuli, niezależne republiki, jako już samodzielne państwa będą się starały przeprowadzić reformy mniej więcej na wzór tych, które przeprowadzaliśmy w Polsce. Ale bardzo szybko okazało się, że to jest nierealne, że sytuacja jest całkiem inna. Ten pierwszy optymizm opadł bardzo szybko i zaczęliśmy się zastanawiać i obserwować miejscowe reakcje. Wydaje się rzeczą ważną, że tak jak w Polsce nie było jednomyślności, tak samo było i ze społeczeństwem białoruskim. Tam też, jeśli się śledziło oficjalną prasę to widać było różnicę poglądów. Taka podstawowa gazeta jak „Sawieckaja Bielaruś” podwoiła w tym czasie po Białowieży swój nakład, była rozchwytywana i starała się reprezentować szeroki pogląd. To znaczy, że starała się podawać pewne elementy walorów tego, co się stało, walorów które mogą spotkać niezależny kraj, jakim jest Białoruś. Inaczej było w sprawach językowych, które wpływały na budowanie idei samodzielności państwowej. Te tradycje nie były zakorzenione. Trzeba było tworzyć dopiero jakąś ideę narodową, ideę konsolidacji właśnie wokół państwowości. I tutaj była pewna różnica między właśnie gazetą „Sawieckaja Bielaruś”, która była najbardziej czytana gazetą, a na przykład „Narodnaja Hazieta” – drugim pismem, które reprezentowało ideę większej samodzielności i odrębności języka przede wszystkim. Propagowano rozwój języka białoruskiego jako podstawy do konsolidacji narodowej, do tworzenia idei narodowej wspólnej dla całego narodu. Spory były bardzo żywe, bardzo konkretne, dotyczące także zjawisk historycznych, stosunku Białorusinów do Rosji i do Zachodu, w tym do Polski. Jak zwykle w takich krytycznych momentach, obserwowaliśmy takie, przepraszam powiedziałabym, „przeżeganie pały”. Jeżeli się raz propaganda przechylała zdecydowanie na jedną stronę, to żeby ją wyprostować trzeba było ją przechylić na stronę przeciwną, więc spotykaliśmy się często z dość absurdalnymi zarzutami. Takim bardzo na bieżąco wtedy konkretnym punktem spornym były kwestie II Wojny Światowej, roli Armii Krajowej, cały szereg problemów sąsiedzkich.

Chciałabym podkreślić, że społeczeństwo białoruskie od początku było podzielone. Byli zdecydowani zwolennicy samodzielności państwowej, cieszący się tym i starający się wnieść pewien wkład w działalność parlamentu białoruskiego. Muszę powiedzieć że z satysfakcją obserwuję stanowisko Pana Ministra Krauczanki, oceniającego rolę Paźniaka w tym czasie jako patrioty, który starał się budować

atmosferę właśnie tożsamości narodowej wyraźnie białoruskiej, ale to się spotykało z ogromną krytyką. Białoruś nie sterowana już centralnie miała ogromne problemy ekonomiczne. Była to republika, w której był szereg bardzo precyzyjnych fabryk, produkujących od najdrobniejszych narzędzi elektronicznych, aż po wielkie samochody ciężarowe i traktory. Białoruś produkowała te rzeczy z materiałów przywożonych z innych republik. I kiedy to centralne zarządzanie padło, bardzo trudno było, nie mając żadnego doświadczenia samorządowego, doprowadzić do utrzymania tych fabryk, do ich normalnej działalności. Ja, żeby Państwa troszeczkę rozweselić, opowiem zdarzenie, którego byłem świadkiem. Jechałam do Lwowa z Mińska, i w pociągu we Lwowie spotkałam dwóch mężczyzn z ogromnymi walizami. Cały przedział był zawalony. Były one puste, a mężczyźni byli dyrektorami fabryki telewizorów „Horyzont”, którzy jechali do Lwowa po jakieś drobne elementy potrzebne do składania tych telewizorów. Własnym sumptem organizowali te części i umawiali się z konduktorką, że ona im zarezerwuje przedział na powrót, aby te ciężkie już załadowane walizy można było w tym przedziale umieścić. Czyli ludzie sobie jakoś radzili i to jest kolejny mój wniosek. Mimo różnych trudności Białorusini potrafią się jakoś odnaleźć, żeby żyć. To jest bardzo ważny moment żywotności narodu, który z jednej strony nie jest do końca unarodowiony zdawałoby się, równocześnie ma taki w duszy naturalny stopień żywotności i umiejętności zorganizowania swojego życia mimo wszystko.

JM: Myślę, że w dyskusji do tego jeszcze wrócimy. Bardzo dziękuję. Poproszę teraz o słowo Pana Ambasadora Maszkiewicza, który obawiam się, że powie, że Litwa w 1991 roku była krajem zachodu, zatem nie miała znaczenia wiadomość, że podpisano jakiś „Беловежский договор” i że być może nie było potrzeby robić notatki dla Warszawy.

MM: Ja nie musiałem robić notatek, dlatego że to nie było moje terytorium. Nie Związek Sowiecki, tylko niepodległa Republika Litewska. Natomiast czas ten pamiętam i chciałbym zwrócić uwagę na dwa elementy. Po pierwsze chciałbym przytoczyć niemalże anegdotyczną informację, która później się potwierdziła, że ówczesny wiceminister spraw zagranicznych, zastępca Krzysztofa Skubiszewskiego, pan Minister Jerzy Makarczyk w czasie kiedy Związek Sowiecki był rozwiązywany w Puszczy Białowieskiej, dogadywał się z MSZ Związku Sowieckiego w sprawie jakiejś umowy polsko-sowieckiej. Makarczyk będąc w Moskwie, nawet nie wiedział, że już nie ma państwa, z którym uzgadnia treść dokumentu do podpisania 7-9 grudnia. Kiedy wrócił do Warszawy dowiedział się, że coś się stało. Ten fakt później był w wielu książkach, dokumentach opisywany jako anegdota.

Druga sprawa, o której chcę powiedzieć to jest kwestia reakcji władz litewskich. Wilno, jak wspominałem wyżej, dosyć mocno uważało, że jest po drugiej

stronie. Związek Sowiecki to nie jest ich bajka, to ich nie interesuje. Co nie jest oczywiście prawdą, bo cały czas mówimy o obecności armii sowieckiej. Rozbudowany ataszat wojskowy cały czas funkcjonował w Wilnie. I cały szereg problemów włącznie z tymi, o których Pani Profesor Smułkowa wspomniała, czyli kwestie współpracy ekonomicznej. Wiele zakładów litewskich współpracowało z zakładami z innych republik, i to było bardzo mocno ze sobą związane. Krach ekonomiczny bardzo dotykał całe społeczeństwo. Dla wielu ludzi rozpad Związku Sowieckiego to był problem również osobisty, bo kończyły się system emerytalny, różnego rodzaju pomoc socjalna i tak dalej, i tak dalej. Silne było poczucie niestabilności – co teraz będzie?, nie będziemy mogli jeździć do siebie nawzajem, odwiedzać rodziny w Kazachstanie, na Ukrainie czy innych miejscach. Dla wielu ludzi to był poważny problem osobisty. Natomiast dla liderów odrodzonego państwa litewskiego (mówię o Akcie niepodległości z marca 1990 r.) roku rozpad Związku Sowieckiego faktycznie rozpoczął się wiosną 1989 roku, kiedy grupa wybranych litewskich deputowanych wsiadała na dworcu w Wilnie do pociągu (to mi opowiadał osobiście Landsbergis, to jest odnotowane) i żegnana przez tłum ludzi ogłaszała, że jadą do Moskwy uzyskać niepodległość dla naszego kraju. Było 36 przedstawicieli tej proniepodległościowej orientacji i 6 przedstawicieli powiedziałbym prosowieckiej orientacji, między nimi Anicet Brodawski i Jan Ciechanowicz, dwaj Polacy, którzy byli wybrani do Rady Najwyższej ZSRR wiosną 1989 roku. W momencie, kiedy ostatecznie oni w Moskwie powiedzieli, że to małżeństwo już się rozpada, dla nich rozpoczął się faktycznie okres niepodległości. W praktyce były to wybory do Rady Najwyższej Republiki Litewskiej w lutym 1990 roku, Akt niepodległości z 16-tego marca i później konsekwencja tego polityczna, czyli próba ratowania przez Gorbaczowa spójności państwa sowieckiego z użyciem takich elementów jak patriotyzm, nacjonalizm, odruchy separatystyczne. W te aktywności wciągnięta została duża liczba naszych rodaków na Wileńszczyźnie – autonomia Polska, ruch Jedinstwo, czy też z różnego rodzaju inne przejawy okazywania patriotyzmu. Wspomniałem dziś Panu Ministrowi Krauczance, że demonstracja pod Konsulatem Generalnym PRL jesienią 1990 roku przeciwko deklaracji polsko-białoruskiej to była reakcja na pomysł Krzysztofa Skubiszewskiego, polegający na tym że nawiązujemy relacje bezpośrednio z republikami, niezależnie mając relacje ze Związkiem Sowieckim jako państwem. To była tak zwana polityka dwutorowa. Tak to się nazywało. W wypadku Ukrainy i innych republik szło nam jak po maśle, a władze w Mińsku wtedy uznały, że trzeba szanować odruchy patriotyczne i pamięć o historii. Bardzo dobrze, że Pan Minister Krauczanka wspomniał o tym akcie siedemnastowiecznym, który Jelcyń przywiózł, nie mając świadomości, co za dokument ma ze sobą. Te wszystkie wydarzenia pokazują, że Moskwa i pewne czynniki kierowane przez Moskwę pilnująca rzeczy i próbująca obronić istnienie Związku Sowieckiego, uruchamiały emocje

narodowe patriotyczne właśnie po to, żeby zablokować rozpad tego wielkiego imperium, wyhamować ten proces, strasząc ludzi konsekwencjami, jakie z tego tytułu będą. Nacjonalizm zawsze przez komunistów czy przez system bolszewicki był traktowany jako coś bardzo złego, a faszyzm był najgorszym przejawem nacjonalizmu i tak dalej. Ta ideologiczna wojna trwała w oparciu o pewne kalki, o klisze i mechanizmy, które miały wywoływać negatywne emocje i odwoływać się do negatywnych doświadczeń. W związku z tym Paźniak z grupą działaczy BNF, demonstrujący podczas wizyty ministra Skubiszewskiego, z plakatami, że Łomża i Białystok to są odwieczne białoruskie ziemie i się należą Białorusi – to wpisuje się w tę logikę. Podobnie jak Jelcyn przywożący deputowanym do Rady Najwyższej Białoruskiej Republiki Sowieckiej akt z XVII w., pokazujący upokorzenie Białorusinów czy mieszkańców Wielkiego Księstwa Litewskiego przez Moskwę. To wszystko miało takie emocje wywoływać, to miało tak działać. Ktoś nad tym pewnie czuwał. .

JM: Ale Jelcyn nie był tego świadomy.

MM: Jelcyn nie, ale jego współpracownicy już tak. Słuszna uwaga, że to Burbulis może, a może ktoś inny. Może na szczelbu zupełnie innych takich różnych „Putinów”, prawda, którzy tam działali. Mówię o *lejtendantach* i *praporoszczykach* i jeszcze tam różnych kapitanach, którzy wiedzieli, że trzeba bronić Związku Sowieckiego za wszelką cenę i jedynym skutecznym narzędziem będzie pokazywanie niebezpieczeństwa rozpadu czy możliwości powstania tu państw narodowych. Także mówię o tym szerszym kontekście porozumień białowieskich i tego co się wtedy stało. Doszliśmy dziś wspólnie z Panem Ambasadorem Cioskiem do wniosku, że Jelcyn przyjechał do Białowieży po to, by zdjąć Gorbaczowa ze stanowiska i zastąpić go na tym miejscu. Większych idei trudno się tu doszukać.

JM: Dziękuję bardzo. A teraz poproszę o zabranie głosu Pana Ambadora Cioska, tym bardziej, że dla Moskwy to nie była obojętna sprawa co się stało w Białowieży. Kiedy Pan Ambador o tym się dowiedział? Jak zareagował i jak szybko poszła ta wiadomość do Warszawy i co Warszawa na to? Jakie instrukcje Pan dostał?

SC: Dowiedziałem się tak jak wszyscy z mediów. Przed chwilą słyszeliśmy tu, jak to wyglądało. Oni sami nie wiedzieli przecież co robią. Skąd mogliśmy my wiedzieć z zewnątrz? Dynamika tego procesu była gigantyczna, ale tak nie do końca, ponieważ jednak Związek Radziecki rozpadał się długo. To nie jest tak, że tam w tej Wiskuli się wziął i rozpadł. To trwało. Ja ciągle mam nadzieję, że ujrzymy kiedyś dokumenty, takie bardzo precyzyjne, z rozmów między amerykańskim prezydentem i Gorbaczowem. W 1989 roku na przykład odbyło się takie spotkanie na Malcie. Tam omawiana była i kwestia zjednoczenia Niemiec, i wyprowadzenia

wojsk i nowego ładu światowego. Wtedy już też rozmawiano o broni jądrowej, która sen z oczu spędzała światowym przywódcom. Tego się ogromnie obawiali. I na pewno Bush potem przyjeżdżał, łagodził, pilnował, żeby przypadkiem nie było takiej sytuacji, która spowoduje wybuch niszczący ludzkość. To był element większej gry. W ogóle rozpad Związku Radzieckiego w moim przekonaniu jest skutkiem tego procesu, skutkiem kurczenia się Związku Radzieckiego.

Ja bym chciał wrócić do tego, co mój przedmówca powiedział o dwutorowej polityce polskiej. Pierwszy element, świadczący o żywości czy żywotności idei niepodległości to był rok 1988 w Estonii. To się wtedy zaczęło i to potem trwało. Szereg wydarzeń na Ukrainie, Białorusi, Gruzji, we wszystkich republikach po kolei. Ten proces narastał i my byliśmy intelektualnie w naszej polskiej myśli politycznej przygotowani na tego rodzaju bieg zdarzeń. Debaty toczyły się w naszych kręgach intelektualnych, w naszych elitach politycznych, co dało w efekcie politykę praktyczną w postaci dwutorowości – utrzymywania z „niedźwiedziem” relacji, ale i z tymi wszystkimi którzy aspirują do suwerenności, niepodległości, która też leżała u podstaw naszej doktryny politycznej. Niepodległa Ukraina, Litwa i tak dalej – to była polska myśl polityczna. Można by nawet powiedzieć, że została zrealizowana w jakimś tam stopniu, więc nie było intelektualnego zaskoczenia. Białowieża to było zaskoczenie techniczne, że to tak szybko. Przecież pojechali tam po co innego, a skończyło się właśnie tak. Ja zgadzam się z przedmówcą. Znałem Jelcyne i całe to towarzystwo i tam chodziło o bardzo praktyczną rzecz – rzeczywiście zdjęcie Gorbaczowa i tyle. Ale rysa wyłobila się głębiej. Słowem to było zdarzenie nieoczekiwane w sensie takiego praktycznego wydarzenia. Nikt o tym nie wiedział i dowiedzieliśmy się po prostu z mediów. Przyjeżdżali nasi ministrowie. Makarczyk pewnie był w Moskwie w tym samym czasie, ale też można przypomnieć wizytę Skubiszewskiego w Moskwie, w Mińsku, tu na tym terytorium. Przyjechał nasz minister pod koniec 1990 roku do Moskwy, żeby podpisać jakąś tam deklarację, uznającą suwerenność Rosji również. Proszę sobie wyobrazić, że to było zaskoczenie dla Rosjan. Oni nie byli na to gotowi. Musieliśmy pojechać potem jeszcze do Mińska na dwa dni i tam spotkaliśmy się z chłodnym przyjęciem. Już była tu o tym mowa. Wróciliśmy do Rosji, do Moskwy i podpisaliśmy to. Stro- na rosyjska przygotowała się do własnej suwerenności. Można powiedzieć, że tak to wyglądało. Więc ja tu bronie dobre imienia naszego. Przede wszystkim.

JM: Dziękuję bardzo Proszę Państwa, a teraz czas na pytania i dyskusję.

S: (Elena Baraban): Я вернусь к русскому языку, потому что мне было не-много сложно понимать по-польски, но, значит, вот когда позвонил. Ельцин позвонил Бушу, т.е. да?

JM: Да.

S: Были такие комментарии, что Буш спросил, сказал: «мне все равно, о чем вы договорились. У кого ядерная кнопка?».

JM: Да.

S: И Ельцин тогда сказал.

JM: У меня.

S: У меня, так, да. Тогда вот это был полный такой gambling, gamble, т.е. он просто блефовал? Или вот это была какая-то... Я не поняла. Вот ужин, вот за ужином все поняли, но был, наверное, еще какой-то эпизод, когда три руководителя – Ельцин, Кравчук и Шушкевич беседовали только, может, втроем? Т. е. до там или после? Т.е. когда этот вопрос про ядерное оружие решался?

JM: Нет, нет. Да, спасибо. Кто ответит? Pan Minister Krauczanka.

PK: Я не могу долго рассказывать о том, как происходили разговоры Шушкевича с Горбачевым, Ельциным и с Бушем. Очередность, последовательность, техническая сторона. Это очень долго, но я был свидетелем, я слышал кто, что. Я был в этой же комнате и слышал то, что говорил Шушкевич Горбачеву и то, что переводил Козырев по параллельному телефону разговор Ельцина с Бушем. Вы правы, примерно, из 6 предложений, которые я тогда записал... Из 6 предложений, одно из предложений, вопросов было у Буша: «Борис, – ну как всегда президенты играют в большую дружбу и уже на ты – Борис, у кого ядерный чемоданчик? – На что Борис Николаевич сказал: Джордж, не волнуйся, ядерный чемоданчик у меня». Это была абсолютная неправда, потому что до 25-го декабря черный чемоданчик, ядерный чемоданчик был под контролем Президента Советского Союза и надо понимать, что есть служба в Подмосковье, оперативный центр применения ядерного оружия, который контролировался только одним человеком. И Президент СССР только нажатием кнопки мог привести в исполнение, но Ельцин был отчасти, как говорится, он был абсолютно неправ, но проблема ядерного оружия не обсуждалась тремя президентами или тремя руководителями. Проблема ядерного оружия получила отражение в соответствующей статье Беловежского соглашения. Вы можете найти, я не помню 8-я или 9-я статья, где говорилось, что создается объединенное командование, оперативное командование по совместному контролю над ядерным оружием, т.е. как бы было договорено, что ядерное оружие на переходной период после ухода Горбачева будут контролировать, образно говоря, Ельцин, Кравчук и Шушкевич. Что было технически НЕ-ВОЗ-МОЖ-НО, не может быть три ядерных чемоданчика,

три полковника и три ядерные кнопки, но в Беловежской Пуще Россия не решалась заявить, что только она одна станет правопреемницей в области контроля над ядерным оружием. А Буша и мировую общественность надо было успокоить, потому что для американцев страшнее, как говорится, страшного сна это расползание, размывание ядерного оружия и, скажем, попадание в руки Каддафи или какого-то другого диктатора. И, безусловно, для американцев существовал только один вопрос, насколько дозировано медленно, спокойно, цивилизованно будет распадаться Советский Союз. В быстром, молниеносном распаде, который произошел 7-8 декабря, американцы не были заинтересованы. Беловежское соглашение проспало ЦРУ. Буш не знал о Беловежском соглашении. Когда белорусские дипломаты 9-го декабря приехали в Вашингтон, Госдепартамент и Бейкер, мой друг Бейкер были в шоке. У Буша была шоковая реакция. Американцы не знали, что готовится в Беловежской Пуще. И только 21-го декабря в Алма-Ате Ельцин обманул Кравчука и Шушкевича, добившись того, что Россия становится единственной правопреемницей Совета Безопасности, изолировав министров иностранных дел, потому что мы бы возражали со Зленко, я думаю. Именно там Россия окончательно вырвала контроль над ядерным чемоданчиком, который с 25-го декабря стал реально контролироваться Борисом Николаевичем Ельциным. Эта передача сопровождалась огромным скандалом. Когда в Кремле произнес последнюю речь Михаил Сергеевич Горбачев, Ельцин потребовал, чтобы Горбачев под дулами пистолетов, а телевизионных камер, передал ядерный чемоданчик. Горбачев возмутился, сказал: «Пошел ты... подальше». В итоге Ельцин развернулся, а Михаил Сергеевич зашел в темную комнату, и один из полковников передал другому полковнику, который был уполномочен Борисом Николаевичем. Т. е. черный чемоданчик передавался со скандалом. Вот такова, как говорится, история, связанная с ядерным оружием. Еще один тезис. Уже без раскрытия. Меня часто спрашивают, а обсуждалась ли в Беловежской Пуще проблема Крыма и не было ли своеобразного changea ядерного оружия на Крым. Эта проблема никем не обсуждалась, но в принципе она, как бы в естественной степени подразумевалась.

JM: Да, спасибо.

ВК: Я единственное, что хочу внести ясность вот в чем. На 1-е декабря все военные соединения на территории Украины находились в подчинении Украины. Был Министр обороны Морозов, генерал-полковник, и что самое главное, чтоб вы прекрасно понимали, на Украине была так называемая 43-я армия, которая находилась в моем родном городе – Виннице. Именно она ведала ядерным оружием на территории Украины. Оно находилось

в ее подчинении, в ее ведении. 43-я армия не подчинялась Морозову, а по договоренности уже было известно, что мы все войска на территории Украины, кроме Черноморского флота переподчинили нашему руководству, но единственное, что было договорено, что все (и об этом знал прекрасно Горбачев), что все ядерные боеголовки находятся в ведении маршала Шапошникова, т.е. было объединенное командование, которое ведало ядерным вооружением. При этом, ну я не знаю, как по-русски, по-польски перевести такое, такой глагол есть «нас обжухали», т.е. нас надули, нас просто обманули. Нам сказали, к сожалению, у нас не было на то времени, достаточных специалистов в этой категории... Мы абсолютно не знали флота, и нам сказали: «Черноморский Флот будет под Шапошниковым, потому что там есть ядерное оружие». Я буквально после этого от адмирала Чернявина узнал, что (уже перед Алма-Атой), что оказывается никакого ядерного оружия на Черноморском флоте нет. И это была одна из причин, почему в частности, мы потеряли Черноморский флот. Хотя вторая причина была куда более простая – Черноморскому флоту порядка 3-х месяцев не платили зарплату. Господин Касатонов, командующий флотом, (сейчас есть корабль, ракетный крейсер «Адмирал Касатонов», это в честь него, Игоря Касатова). Он приехал в Киев и хотел попасть к Кравчуку на прием. Кравчук сделал все возможное, чтобы его не принять. Кравчук умел это делать, между капельками пройти и его не принял. В это время, узнав о том, что происходит, Ельцин... Они сгребли по сусекам, где только могли, собрали деньги. Вы можете себе представить, какое было положение! Они нашли деньги, проплатили зарплату Черноморскому флоту, тут же Касатонов вернулся в Севастополь и, таким образом, мы уже точно потеряли Черноморский флот.

JM: Спасибо большое.

S: Маленькое уточнение. Мне кажется, как раз в Балаклаве были все-таки подводные лодки с ядерными боеголовками.

JM: Да, да, знаю.

MM: Способные были иметь ядерные боеголовки.

S: Вы знаете то есть, но даже на этом вот заводе уникальном в Балаклаве, в пещере, там было ядерное оружие.

ПК: Так, следующий вопрос. Кстати чем больше вопросов, тем лучше. Мы готовы отвечать.

JM: Хорошо, если нет вопросов. Jeśli nie ma.

ПК: Ремарка.

JM: Господин Министр, последние три минуты у нас.

ПК: Да, значит, ремарка она касается спора о том, как был воспринят. Вот вы спрашивали, как был воспринят крах Советского Союза и Беловежское соглашение.

JM: Да.

ПК: Нет, ничего лучше, чем социсследования. Они показывают, как и какая нация восприняли тогда и в динамике Беловежское соглашение. Это научные данные. Значит, одобряете ли вы соглашение лидеров России, Украины и Беларуси? Это социологические исследования декабря 91-го года. Беларусь: одобряем – 69 %, Украина – 62 %, Россия – 67 %. Не одобряют: в Беларуси – 10 %, Украина – 19 %, Россия – 12 %. Тот же вопрос, 1994-й год, он проводился, этот опрос, только в Беларуси. Одобряем (после 69 %) – 9 %, не одобряем – 65 %. 2006-й год социсследования проводились с этим же вопросом в трех государствах. Беларусь: одобряем 17,4 %, Украина – 48,5 % (это рекорд!), Россия – 17 %. Не одобряем: 63, 4 %, Украина – 33,5 %, Россия – не одобряем 71 %. Почему в декабре 1991 года такие высокие проценты одобрения и что случилось потом? А очень просто, люди устали от „Перестройки и перестрелки” и с облегчением восприняли, решили, что это новая форма Советского Союза. Новая форма, которая позволяет покончить с беспределом, с разрухой, с нищетой. И полагали, что открывается новое счастливое будущее, не понимая, что путь к независимости долг и тернист и, возможно, он еще кровавый, с чем сталкивается Украина. И вот я сегодня еще хочу сказать, что нет данных 2019 года, но вот то, что в середине прошлого десятилетия Украина стала лидером одобрения Беловежского соглашения, говорит о многом.

ВК: Единственное, это нельзя затягивать до бесконечности, реплика на реплику. Я вам хочу сказать одно единственное. Кравчук даже в своем выступлении всюду он говорил: «Есть проблема пенсий, есть проблема родственников, не волнуйтесь, все будет нормально, все будет нормально».

Я не знаю, кто это делал, я хотел бы посмотреть, какие агентства, но самое главное, я вам хочу сказать, за последние пять лет товарооборот Украины с Россией упал в несколько раз и при этом абсолютно ничего страшного не произошло. Все-таки у нас есть прирост, несмотря на войну, несмотря на то, что по-подлому, просто абсолютно по-подлому прекращена торговля, в первую очередь российской стороной. Тем не менее, прирост есть, и спокойно мы обходимся, и я вам хочу сказать, чтоб вы четко знали, 80 %, практически 80 % и нашего импорта из России, и российского экспорта составляют нефтепродукты. 80 %. Всего лишь 20 % все остальное, т.е. мы

спокойно пережили это и спокойно переживем, будем жить дальше, а если не будем воевать, то наша промышленность будет расти, экономика намного быстрее, чем российская.

ПК: В заключение, поскольку мы получили прекрасные книги, прекрасные подарки от пана Директора вечером, позавчера. Я посчитал необходимым, уважаемый господин Профессор, подарить (я – автор 4-х книг) вот эта книга у меня основная, она называется «Беларусь на распутье или Правда о Беловежском соглашении». Это первая книга в мире, которая во многом посвящена именно Беловежскому соглашению. Здесь вся конкретика излагается, по минутам, по часам, во сколько был подписан договор, и я с большим удовольствием, да по мотивам этой книги японская компания НКК, моей книги, японцы приезжали ко мне, я давал интервью японской компании НКК 16 часов. Стенограмма этого интервью у меня есть, и я уже положил в основу новой книги, которая уже посвящена мне. Это не моя книга, книга обо мне. Я бы хотел, пан Профессор, подарить Вам эту книгу и такие слова «Шаноўнаму, паважанаму пану Яну Маліцкаму з найлепшымі пажаданнямі і пчыраю удзячнасцю за запрашэнне прыняць удзел у такой унікальнай інтэлектуальнай пляцоўцы, як ваша славетная канферэнцыя. Жыве Рэч Пасполіта, Жыве Беларусь. З павагай Краўчанка. 23 чэрвеня 2019 года. Горад Варшава. У дзень Петра и Павла». *Bardzo dziękuję.*

JM: *Dziękuję bardzo.*

ПК: Змагаліся за Вашу і нашу Родзіну.

JM: *Panie Ministrze, bardzo dziękuję. Жыве Рэч Пасполіта, живе Беларусь. Prague serdecznie podziękować.* Хотел бы поблагодарить всех участников нашей дискуссии, участников и наблюдателей событий 8-го декабря. Пани Посол Эльжбета Смуклова, господин Посол Володимир Крижанівський, господин Министр Пётр Краўчанка, господин Посол Станислав Чосэк и господин Посол Мариуш Машкевич. Спасибо Вам всем, что приехали к нам и приняли участие в нашей дискуссии. Хотел бы еще подчеркнуть, что это очередная дискуссия, которые мы здесь в Студиум Восточной Европы организуем про Беловежский процесс и у меня есть такая мечта, что уже в 21-м году будет издана книга, как результат этих разговоров и научная книга, книга документов. Спасибо большое и приглашаю, в конце концов, на бокал, к сожалению, не польского вина.

*Spisał
Denys Kutsenko*

